

Глава 3. Просто терпим друг друга

Надо сказать, что поначалу Синь Цяньюй не собирался обманывать Су Чжуна.

Это была любовь с первого взгляда. Или, скорее, влечение с первого взгляда.

В конце концов, с такой внешностью, как у Су Чжуна, было немудрено привлекать к себе толпы поклонников. Они познакомились на встрече земляков-студентов. Су Чжун был подобен капле цветочного нектара — его густая, тягучая красота притягивала к себе рой обезумевших бабочек и пчёл.

Но он всегда держался отстранённо, словно ему была безразлична любая симпатия.

Именно эта холодная, почти лунная красота и сводила с ума.

Синь Цяньюй не был простаком. Его мать была богатой женщиной, любившей окружать себя молодыми любовниками. Чжу Пу часто шутил: «Даже главный красавчик из клуба ХХ в гареме твоей мамы годился бы только на то, чтобы мыть ей ноги». Выросший в такой атмосфере, Синь Цяньюй, казалось, видел всех красавцев на свете. Но такого, как Су Чжун, он не встречал никогда.

Тогда он понял: все мужчины в гареме его матери были лишь звёздами. Звёзды сияют ярко, но их много, и они не уникальны. А Су Чжун был луной. Единственной на всём небе, висящей так высоко, что даже великий поэт Ли Бай не смог бы её достать.

Именно эту луну ему и захотелось заполучить, не боясь ни высоты, ни холода, ни падения.

Су Чжун был идеален во всём, но ни с кем не встречался. На это должна была быть причина.

— Тут два варианта, — сказал Чжу Пу. — Либо он импотент, либо асексуал.

— Я тоже так думаю, — согласился Синь Цяньюй. — И, руководствуясь научным подходом, считаю своим долгом провести личное исследование.

После той встречи Синь Цяньюй бросился к Су Чжуну и, сказав, что у него нет машины, попросился поехать вместе. Су Чжун подвёз его. На прощание он спросил:

— Ты где учишься?

— Э-э-э... в штате Нью-Йорк...

Университет Су Чжуна находился в Бостоне.

Между ними было больше двухсот километров, а Синь Цяньюй посмел заявить, что им «почти по пути».

— У тебя с головой не всё в порядке? — серьёзно спросил Су Чжун.

Это прозвучало как оскорбление, и Синь Цяньюй чуть было не ответил тем же, но, взглянув в прекрасное лицо Су Чжуна, тут же сник.

— У меня просто плохо с географией... — пробормотал он.

Чтобы сорвать этот горный цветок, Синь Цяньюй при любой возможности мчался из Нью-

Йорка в Бостон.

Каждый раз он придумывал предлог, будто его профессор нашёл ему подработку — преподавать английский в Бостоне. А после работы он, якобы по пути, заезжал к Су Чжуну.

Су Чжун был очень занят учёбой и не хотел тратить время на постороннего человека. Но Синь Цяньюй настойчиво лез в его жизнь.

Отношение Су Чжуна было прохладным. Нельзя сказать, что он его полностью игнорировал, но и теплоты не проявлял. Синь Цяньюй потратил почти полгода, прежде чем ему наконец удалось уйти вместе с Су Чжуном из университета. Он тут же воспользовался моментом.

— Где ты живёшь?

— Снимаю квартиру.

— А можно посмотреть?

— Нельзя.

— ... — Синь Цяньюй на мгновение опешил, но быстро нашёлся. — Ты живёшь с кем-то?

— Нет, один.

В конце концов Синь Цяньюй понял: Су Чжун — человек с очень сильным чувством личных границ. Он не любил, когда в его пространство вторгались посторонние. Поэтому он не снимал жильё с кем-то и не приглашал гостей.

Синь Цяньюй потратил два семестра, но так и не получил «гостевого разрешения». Дверь Су Чжуна оставалась для него закрытой. Так было до одного дня, когда он, прорвавшись сквозь ветер и ливень, добрался до Бостона. Он был промокший до нитки, кожа его от холода стала серовато-белой, как у замороженной креветки. Он дрожал и выглядел невероятно жалко.

Увидев его в таком состоянии, Су Чжун, обычно холодный и непроницаемый, дрогнул. В его глазах промелькнуло сочувствие. Он впустил Синь Цяньюя в дом и даже сварил ему чашку горячего кофе.

Синь Цяньюй, дрожа от холода, обхватил чашку. Тепло мгновенно согрело его ладони, а пар, поднимающийся от напитка, коснулся бледного лица, возвращая ему краски.

— Спасибо, — прошептал он.

Услышав дрожь в его голосе, Су Чжун спросил:

— Всё ещё холодно?

Синь Цяньюй почувствовал в его тоне нотки заботы, и сердце его затрепетало.

«Так вот что на него действует!»

Он тут же нахмурился, придавая лицу ещё более страдальческое выражение.

— Угу...

Су Чжун принёс плед и протянул ему.

Синь Цяньюй был на седьмом небе от счастья. Он тут же закутался в плед.

Дело было не в самом пледе, а в том, что он был пропитан запахом Су Чжуна.

Такая настойчивость не осталась незамеченной. Одногруппники Су Чжуна начали подшучивать:

— Этот парень, Синь Цяньюй, кажется, в тебя влюблён.

— Правда? — удивился Су Чжун.

— Конечно! — с серьёзным видом подтвердил друг. — Кто ещё будет мотаться из Нью-Йорка каждые выходные? Он же тебя добивается!

Су Чжун был человеком прямым и не любил тратить время на догадки. Он просто спросил Синь Цяньюя напрямую:

— Ты меня добиваешься?

Синь Цяньюй застенчиво кивнул.

— Учись лучше, — сказал Су Чжун. — Трать энергию на учёбу, а не на меня.

Услышав это, Синь Цяньюй был одновременно и опечален, и зол. Он несколько дней не показывался, но потом снова, как ни в чём не бывало, приехал к Су Чжуну.

Он стучал в его дверь, стоя на пронизывающем ветру.

Навык разыгрывать из себя несчастного был отточен до совершенства: бледное лицо, ещё более бледные губы, хриплый голос.

— Мне так холодно, Чжун-гэ.

Губы Су Чжуна дрогнули. После трёхсекундной паузы он сказал:

— Входи.

И снова, как и в прошлый раз, Синь Цяньюй получил чашку горячего кофе и тёплый плед.

Так он обнаружил «слабое место» Су Чжуна: за внешней холодностью скрывалась внутренняя теплота.

Су Чжун с трудом сближался с людьми и не терпел панибратства. Каждый раз, когда Синь Цяньюй пытался подойти ближе, он чувствовал отторжение. Но стоило ему «разыграть жертву», как всё менялось. Сначала его не пускали на порог, но после жалобного вида пускали. Затем его отвергли, но он снова притворился несчастным и получил второй шанс.

Так Синь Цяньюй и застрял в образе «бедного, несчастного сиротки».

Он, словно ребёнок, который притворяется больным, чтобы привлечь внимание родителей, постоянно попадал в какие-то передрыги, чтобы вызвать на лице Су Чжуна хоть тень беспокойства.

И эта игра в «несчастливого» со временем превратилась в огромный снежный ком лжи, который навис над ним, превратив его жизнь в сплошное актёрство.

— И долго ты собираешься играть? — не выдержал Чжу Пу. — Я думал, ты просто развлекаешься, поэтому враньё — это не страшно. Но ты, кажется, настроен серьёзно, собираешься прожить с ним всю жизнь. Так и будешь всю жизнь играть? Да тебе Оскар дать надо, величайший актёр нашего времени.

Синь Цяньюя и самого мучил этот вопрос. Он не понимал, как оказался в такой безвыходной ситуации.

Видя его страдания, Чжу Пу сменил тон на более мягкий.

— Не переживай. Кто в начале отношений не притворяется? Когда чувства станут крепче, ты сможешь быть собой.

Эти слова должны были успокоить, но лишь усилили тревогу Синь Цяньюя.

Он знал, что их чувства с Су Чжуном вряд ли когда-нибудь станут по-настоящему «крепкими».

Он любил Су Чжуна до безумия, это было очевидно. Но что насчёт самого Су Чжуна?

Синь Цяньюй подозревал, что Су Чжун его совсем не любит. Вероятно, он просто поддался его настойчивости и, не испытывая к нему отвращения, решил «попробовать». Стоило ему сорвать с себя маску, как Су Чжун, скорее всего, решит, что «терпеть» это больше нельзя, и просто уйдёт.

<http://bllate.org/book/13448/1197382>